

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Владимир БЕЛОБОРОДОВ

НОРМАН

Роман

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Серия основана в 2004 году
Выпуск 632

Художник
С. Бабкина

Белобородов В. М.

Б43   **Норман: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 346 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2341-5

Среди полей и полей, между Темными землями, орочными степями и Старкским королевством, раскинулась Исвария. Страна, в которой царит сильная магия и суровый меч.

И вот в этот не совсем уж радужный мир попадает наш соотечественник. Он не помнит, кем он был в этом мире. Он не помнит, кем он был в нашем мире. Он не знает, кем он станет в будущем. Он старается. Он ошибается. Он любит.

Норману предстоит пережить многое. Но он останется собой — веселым неунывающим парнем, который рад помочь любому.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Белобородов В. М., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2341-5

ПРОЛОГ

Большинство людей рассматривают жизнь как дорогу, извилистую или прямую, грунтовую или асфальтированную, шоссе или тропинку. Но у всех этих визуализаций судьбы, какими бы они ни были, есть кое-что общее — перекрестки. Человеку всегда приходится делать выбор, а правильный он или нет, это уже совсем другой вопрос, суть в том, что он есть.

Мне же боги преподнесли сюрприз: моя дорога шла двумя разными путями, в какой-то момент сошедшимися в одну замысловатую тропу. Впрочем, все по порядку...

Глава 1 СЕРГЕЙ

В голове стоял неумолкаемый шум, нет — гул. Во рту пересохло настолько, что язык прилип к небу: «Что ж так фигово-то!» Веки медленно поползли вверх. Мутная картинка ни в какую не хотела становиться различимой. Наконец, через несколько минут стало проясняться. Так, деревянный потолок, доски довольно широкие, на срезе масса сучков. Я явно в горизонтальном положении. Что у нас справа? Какой-то тип в мешковине. Спит сидя, опустив подбородок на грудь.

— Пить.

Очнулся. Похлопал заспанными глазами:

— Sall gone.

— Пить. Принеси пить.

— Gone ne sage.

— Что ж ты издеваешься надо мной? Пить принеси.

Парень покачал головой в знак того, что не понимает. Блин, как болит голова. Стены из обшарпанного камня. Довольно странный интерьер. Декорации к средневековому фильму. Откуда-то из-за головы льется свет. Вернее всего, из окна. Блин...

Ректор Академии жизни Исвари магистр Корвен эль Дорен пребывал в слегка раздраженном состоянии. Только что прочитанное письмо от короля, требующее предоставить результаты по изучению возможности ментального воздействия на большом расстоянии, испортило довольно-таки умиротворенное настроение. К сожалению магистра, предоставлять было особо нечего. За год работы академия в данном вопросе продвинулась... хотя можно сказать, что не продвинулась ни на локоть, а вот средства на развитие данного направления успешно заканчивались, как, впрочем, и подопытные. Бутылка красного старкского уже наполовину опустела, а разумной мысли, что

написать в ответ, в голову не приходило. В дверь кабинета скромно постучали. Магистр давно уже научился распознавать по стуку своих подчиненных. В данный момент явился верховный маг лекарского факультета Алессон. Старец довольно умело руководил отделением, да и числился не самым худшим магом-лекарем, но в последнее время нервировал магистра своими нравоучениями и постоянными просьбами. Корвен эль Дорен считал это наступлением старческого периода, как-никак магу уже перевалило за триста, хотя стариком он был довольно бодрым. Магистр сделал еще один глоток вина и пригласил мага:

— Входи, Алессон.

Старец медленно открыл дверь, размеренной походкой подошел к столу магистра, молча сел в кресло посетителя. Эль Дорен поморщился — лишь Алессон и верховный маг факультета артефакторов Ларенс эль Соидан вели себя столь фамильярно в его кабинете. Ларенс — потому что был другом и, пожалуй, единственным человеком, с которым магистр позволял себе расслабиться, а Алессон — потому что еще помнил, как гонял юного Корвена на пересдаче.

— Что? Величество требует отчета? — кивнув на свиток, заговорил первым маг.

— Да. Не знаю даже, чем обрадовать монарха.

— Доложи ему о воздействии ментальных амулетов на гоблинов.

— В прошлый раз писал, ему интересны орки и люди.

— Готовится к войне?

— Все к этому идет. Либо мы захватим орочьи степи, либо, если не успеем, на нас пойдут старкские войска.

— Думаешь, если орков подомнем, старки не нападут?

— Вряд ли. Нам не придется разрываться на два фронта. А с неразделенными войсками старкам не справиться. Ты зашел поговорить о политике?

— Не совсем. Очнулся сын Рамоса Ровного.

— Это сын купца, который продал все свои лавки ради излечения слабоумного отпрыска? Ну и как? Надеюсь, лечение прошло успешно? Разум в глазах появился?

— Да как сказать. Слуга говорит, что он очнулся и даже что-то лопочет, но не по-нашему. Сейчас снова в беспамятстве. Я велел вызвать меня, когда еще раз очнется.

Магистр помолчал некоторое время.

— Я так понимаю, языков дурак знать не мог?

— Да не то слово. Он и по-исварски знал два слова: «есть» — и диаметрально противоположенное. Потому и взялись за него. Проще заново обучить после подсаживания души, чем переучивать.

— Слуга не мог ошибиться?

— Не думаю, я своего Ерама поставил, парень толковый, а вопрос серьезный.

— Если это то, о чем я думаю, могут возникнуть проблемы.

— Потому и пришел.

— Ярил знает?

— Нет, к тебе первому пришел.

Магистр достал второй кубок и налил магу. Оба молча пригубили.

— Рано пока волноваться, — первым нарушил тишину магистр. — Очнется — зови, посмотрим на умалишенного.

Второе пробуждение было менее болезненным. Опять тот же тип справа. На этот раз бодрствует. Уткнулся в толстенный фолиант — иначе то, что находится у него на коленях, не назовешь. Волосы пострижены «под горшок». Кого же он напоминает? Ах да, парня из гоголевского «Вия». Как его... бурсака, философа... да ладно, короче, монаха. Хотя на монаха не тянет, скорее, послушник из монастыря. Такое же невзрачное серое одеяние, перепоясанное чем-то непонятным. Не удивлюсь, если толстой веревкой, это соответствовало бы обстановке. Довольно юн, может, лет семнадцать-восемнадцать. Да что ж так голова-то болит...

— Пить.

На этот раз реакция пошла иная, парень явно занервничал. Сначала бросился к шнурку и начал за него дергать, где-то вдалеке раздался звон. Потом бросился ко мне — налил дрожащими руками в кружку воды из глиняного кувшина, приподнял мою голову. Тысячи иголок впились в мозжечок. Как же вкусна бывает обычная вода! Так, а это что? Я связан? Да еще по полной программе, как в «дурке»? Руки и ноги, каждая отдельно, примотаны к кровати какими-то кусками ткани, напоминающими мешковину одеяния старательно вливающего в меня воду «послушника». Где я? Паренек медленно опустил мою голову на подушку, и мое брэнное тело исчезло из поля зрения. После утоления жажды слегка полегчало, начали отходить вкусовые рецепторы. И все-таки, где я? Решил озвучить вопрос:

— Где я?

— Ungore gas ebeli dar. Ebeli dar.

— Что?

— Gone ne sage.

Уразумеv, что я его не понимаю, парень указал пальцем куда-то на дверь, потом на пол рядом с кроватью, опять на дверь и на пол и при этом непрерывно что-то лопотал. Осталось надеяться, что сейчас подойдет кто-то поадекватней «послушника». А пока нужно привести мысли в порядок.

Зовут меня Сергей Рябьев, по батюшке Валерьевич. Вчера... Хотя какое вчера, судя по состоянию, я здесь далеко не пару часов. Значит — когда-то, и это когда-то может исчисляться днями. Ну ладно, пусть будет позавчера, в пятницу, по закону подлости пропало напряжение на одном из трансформаторов завода. Я как ведущий инженер-энергетик предприятия, на котором кропотливо зарабатываю свои трудовни (в связи с двухмесячной задержкой заработной платы иначе не скажешь), обязан был остаться до восстановления электроснабжения. Хотя, если честно, толку в данном вопросе от меня ноль. Бригада электриков уже месяца два ждала этой аварии, так как руководство ни в какую не давало остановить цех для ремонта. Я оббегал всех и вся, дошел до зам. директора, результат — ноль. План горит, останавливать производство нельзя, пошел через неделю — стандартные ответы. В общем, электрики были морально и физически готовы. В связи с этим моя роль свелась к чисто номинальному присутствию на предприятии до устранения неисправности (в реальности — к раскладыванию «косынки» и неумеренному употреблению кофе).

Где-то после часа ночи, когда кабельная линия на трансформатор была восстановлена, проверена и запущена, я, отпрапортовав по сотовому руководству, со спокойной совестью вышел с завода. Ну и, поскольку общественный транспорт уже не ходил, денег на такси в связи с задержкой зарплаты не было, а ночь выдалась теплая, — решил прогуляться до дома пешком. Благо идти всего пару километров. По дороге нагнал мастер энергоцеха Михалыч, живущий через дом от меня и застрявший на заводе по аналогичной причине. Июльская ночь радовала тишиной и довольно яркими для лета звездами. Поскольку вымотались мы прилично, я — от безделья, а Михалыч — от трудов праведных, после перемывания костей главному инженеру и иным руководителям (ну ведь предупреждали же!) разговор сам собой заглох.

За два квартала до дома мне как-то резко поплохело. Перед глазами пошла рябь, волной нахлынула тошнота. Я остановился, а вот дальше память воспроизводила лишь обрывки... Лицо Михальча с всклокоченными волосами, мигалки «скорой», человек в белом халате, человек в серой хламиде... Стоп. Дальше пробел.

Ничего внятного, проясняющего мое положение, не запомнил. И все-таки, где я? В больнице? Довольно странная «медсестра» для медицинского учреждения. В монастыре? Да какого ляда меня сюда поместили? А о том, что именно поместили, связанные руки и ноги говорили более чем красноречиво. Яснее от анализа произошедшего не стало. Подожду развития событий. Хотя выбора у меня все равно нет: либо бежать, либо ждать. Можно было бы попытаться «послушника», но, судя по изначальным лингвистическим экспериментам, ни он меня, ни я его не понимаю, что только добавляет вопросов. Так что ждем, Сергей Валерьевич. Не паникуем.

Спустя четверть часа в «келью» (по-другому называть данную комнату язык не поворачивается) вошли две довольно колоритные личности. Первый, и явно превосходящий по должности — что неумолимо чувствовалось во всем: стати, взгляде, непонятных ощущениях и, самое главное, очень-очень низком поклоне «послушника», — представлял собой высокого худощавого мужчину лет сорока (хотя, может, и больше, я плохо умею определять возраст человека старше себя). Одежда главного представляла собой халат до колен из ярко-оранжевой ткани, окантованной по подолу и воротнику рисунком, напоминающим чукотские мотивы. Халат был перепоясан алым поясом на японский манер, то есть почти до груди. На шее висел огромный золотой медальон с темно-красным камнем. Человек оглянулся вокруг, обстановка явно пришлась ему не по вкусу. Возраст второго посетителя определению не поддавался вообще, по причине его старости и бороды а-ля Гэндальф, с той лишь разницей, что он оказался жгучим брюнетом. Одежда тоже была под стать сказочному герою, правда, серого цвета. Главный что-то спросил у «послушника», тот, не поднимая головы, ответил. Следующий вопрос адресовался мне. Я покачал головой:

— Не понимаю.

Главный задал вопрос еще раз, но язык был явно другим. Я снова покачал головой. Ситуация начинала накаляться. Дан-

ная процедура повторилась раза четыре. Потом главный бросил какую-то фразу Гэндальфу, развернулся и быстрым шагом ушел. Гэндальф еле избежал столкновения, успев при этом слегка поклониться. Впрочем, старец тоже долго не задержался, дал какие-то распоряжения «послушнику» и показал спину. То есть? А я? Кто-нибудь мне объяснит, что происходит?

В кабинете магистра находились трое. Верховные маги лекарского и ментального отделений сидели в креслах. Магистр медленно вышагивал напротив них:

— Подведем итог. При пересаживании души сыну купца... Кстати, как его зовут?

— Рамос, — маг ментального факультета Ярул эль Варух сверлил взглядом дыру в полу.

— Не купца, отпрыска, — магистр замер.

— Норман.

— Норману, — продолжил магистр, одновременно возобновив ходьбу, — каким-то неведомым образом перешли воспоминания... Так?

— Да.

— То есть мы, вернее, вы, Ярул, при переносе души выдернули ее из живого человека?

— Ну, теоретически...

— Какая, к Некросу, теория? Это прямая некромантия! Да если об этом узнает хоть кто-нибудь... Нас, вернее, вас, Ярул, в лучшем случае четвергуют братья! Вы это понимаете?

— Да. — Менталист, казалось, сложился пополам, настолько низко опустила его голова.

— А авторитет нашей академии, создаваемый столетиями, полетит в выгребную яму. Так?!

Маги обреченно молчали.

— Каковы идеи? Как мы будем выкарабкиваться из этого навоза? — Магистр вопросительно замолчал и остановился напротив кресел.

— Предлагаю не лить помои на площадь, — включился в разговор Алессон. — Думаю, в данном случае более целесообразно умолчать о возникшей... — маг на некоторое время задумался, подбирая выражение, — несурзанности. Сотрем парню память, и пусть наслаждается жизнью. Был дураком — стал беспамятным.

— Не выйдет. Я об этом думал, — выдавил Ярул. — Мы потом круг, а может, и два, будем обучать его как маленького ре-

бенка — есть, пить, ходить. Да он, собственно, и станет как новорожденный в умственном развитии — под себя делать будет. Даже если увеличим эликсирами скорость обучения, это займет не менее полукруга, и то сомнительно. Отдать же его отцу беспамятным... подобное вызовет кучу подозрений. К нам привезли — хоть что-то соображал, а заберут вообще беспомощного... Отец обратится к магу, и даже ученик сможет определить, что память удалена. Если же будем тянуть время с обучением, купец подождет десятину-две после того, как минут назначенные для лечения шесть десятин, и забегает по канцеляриям. Все-таки купец, опыт обращения с писцами у него есть, да и знакомства наверняка остались. Пусть он сейчас стеснен в средствах, но проверку организует запросто. К тому же мы обещали ему дать возможность видеть сына раз в десятину, а он не особо доверяет лекарям, уже шестнадцатый круг пытается вылечить сына, насмотрелся всякого. А если не разрешим видеться с отпрыском, возникнут дополнительные подозрения. Ну и в качестве последнего довода могу высказать сомнения в жизнеспособности пациента после полного стирания памяти — каким-то образом душа связана с воспоминаниями, а она и так в нем еле держится.

— Его жизнь — я думаю, это все присутствующие понимают — не то, о чем сейчас необходимо заботиться. Твои предложения? — Магистр прожег взглядом мага.

— Ну... Предлагаю в ближайшую десятину обучить его хотя бы азам языка, чтобы памяти потом было за что зацепиться. Далее блокируем его воспоминания, но не полностью, а так, чтобы он мог пользоваться при необходимости простыми навыками — ходить, пить. Ну а дальше увеличим его обучаемость эликсирами и закрепим элементарные знания, благо у сына купца других не было. А попутно убедим парня, что он Норман. Пригласим отца, пока больной не в состоянии говорить, это визуально закрепит его связь с семьей. Если даже и вспомнит что-то в дальнейшем, спишут на былое сумасшествие. Раз, два посмеются, а там сам начнет воспринимать все как бред.

— Почему сразу не заблокировать память?

— Человек, который умеет говорить, учит новый язык, связывая изучаемые слова со словами родного языка, а младенец — с картинками, действиями. Поэтому выучить второй язык проще, чем первый. Хотя... можно и сразу заблокировать, не нам же его потом учить.

Магистр обыгрывал предложение в голове, ища недостатки, но на настоящий момент не находил их.

«Обвинения в некромантии снимем, хотя бы на первое время. Сына купца вроде как излечили. Авторитет академии только вырастет. Опять же не придется возвращать купцу сорок тысяч золотых, сумма немаленькая и академии сейчас ой как нужна. Конечно, можно устроить смертельный исход, но опять же деньги и репутация. И так после экспериментов с ментальными ударами трупы телегами сжигают. Проклятый Ярул, надо же было позволить ему уговорить себя взяться лечить этого идиота!»

— Хорошо. Риск, конечно, есть, но... — Магистр выплыл из раздумий. — Ярул, обеспечить парню увеличение восприятия знаний. Надо быстро впихнуть в него наш язык. Поработай с ним лично, извлеки максимум из памяти. Интересно, кто он такой. Внуши через ментальный контакт, что он сын купца. Лишним не будет, если из-за блокировки памяти впоследствии выползет данная информация. Алессон, с тебя физическое здоровье и обучение языку. Не надо морщиться, в одном обозе идем. Никого лишнего не подключать — слишком щепетильное дело. Слугу потом отошли подальше. Отца десятину-две к сыну не пускать, сошлетесь на сложность магических плетений ну или еще что-то придумаете.

Магистр на некоторое время замолк, прошло ударов тридцать сердца, прежде чем он продолжил:

— На этом сегодняшний импровизированный совет закончим.

Профессор Ярул эль Варух шел по коридорам академии в смешанных чувствах. Сам факт вызова к магистру был, конечно, неприятен, но, с другой стороны, вина полностью лежала на нем самом. Во-первых, отца данного сумасшедшего в академию привел именно он. Во-вторых, с отца он получил не большой, а просто огромный откат в десять тысяч золотых. В-третьих, он как верховный маг ментального факультета прекрасно понимал: исправление души невозможно. Душа — основа человека. От нее зависит все: ум, воля, внешность. Она — суть, и изменение души есть рождение нового человека. Предложение вылечить душу сына богатого купца изначально исходило от него и сразу носило характер аферы. Пациента нельзя излечить, так как сама душа исковеркана. Но ему попалась книга с описанием ритуала исцеления путем слияния. Поскольку книга была написана до разделения магии на темную и светлую, то

есть не была темной, удалось заинтересовать магистра, страдающего пристрастием к старым плетениям. Конечно, он как маг-менталист сразу предполагал уничтожение души больного и подселение донорской души, но говорить об этом магистру не стал, преподнес это как подсадку души, уже ушедшей из жизни. При проведении ритуала душа раба, предназначенного для донорства, сорвалась быстрее, чем он успел ее захватить. В округе, как назло, не было ни одного умирающего. Вернее, были, но по каким-то причинам ни одна из свободных душ не пожелала захватываться. Поэтому для увеличения радиуса действия пришлось повысить поток силы в поисковом плетении. И когда казалось, что уже нет шансов, тело безумного умирало, одна душа откликнулась. Оставалось еще чуть-чуть качнуть силы, и все получилось. Потом целую ночь пришлось удерживать душу в теле — ни в какую не хотела приживаться. Кто же знал, что она окажется душой живого человека и перенесет вместе с собой память (что даже теоретически невозможно). Ну а когда все выплыло, таиться стало бесполезно. Ладно, хоть в тайную службу или, что еще хуже, в Светлое братство не сдали. Выход, предложенный магистру, был рационален. Единственное, чего не озвучил маг, это феномен изменения тела под душу. Любая душа подстраивала тело под себя, то есть через круг-полтора внешность купеческого сына начнет изменяться, и к этому времени во избежание лишних вопросов этот парень должен отправиться в царство мертвых. Как бы глупо это ни выглядело, но купец отдал все свое состояние за смерть сына, пусть и отложенную во времени.

«Твари, ну где же хоть кто-то?» — Меня уже несколько часов разрывала злоба из-за полной непонятности ситуации и бессилия что-либо для себя прояснить. К тому же начал напоминать о себе мочевого пузыря. «Послушник» ушел практически сразу после Гэндальфа и больше не появлялся. Когда я уже решил наплевать на комфорт и отлить под себя, в «келью» вернулся «послушник» в сопровождении Гэндальфа номер два. Нет, бороды у него не было, но стиль одежды полностью копировал предыдущего старца. Гэндальф-два встал перед кроватью и с явным любопытством начал меня разглядывать.

— Кто-нибудь объяснит, что происходит?! — Злоба, казалось бы утихшая, с новой силой всплыла из глубины сознания.

Гэндальф-два что-то заговорил довольно певучим голосом, одновременно показывая жестаи, что мне необходимо успоко-

иться. «Послушник» в это время натягивал мне на голову медный обруч. Когда он справился со своей задачей, Гэндальф-два сел на стул и надел на себя аналогичное украшение. Некоторое время ничего не происходило. Я хотел было вскипеть, но тут в голове раздался голос и на абсолютно чистом русском произнес:

— Ты меня слышишь?

Я рефлекторно кивнул.

— Понимаешь?

Я вновь кивнул.

— Позволь представиться, меня зовут Ярул эль Варух. Я являюсь магом Академии жизни Исварии, ну и попутно на какое-то время твоим лекарем. Голос в твоей голове, — это мой голос, — усмехнулся маг, увидев, как я озираюсь по сторонам. — Ментальная связь позволяет общаться даже с тем, кто не умеет говорить. О том, как это происходит, мне кажется, тебе не интересно, а самое главное, не нужно знать. У тебя, я так понимаю, возникло множество вопросов, и я на них обязательно отвечу. Но сначала мне хотелось бы поинтересоваться, каково твое самочувствие? Думаю, это в твоих интересах.

— Да мне бы сначала в туалет. Ну и ноги-руки развязать тоже не помешает.

Маг на какое то время замолчал, разглядывая меня:

— Тогда, я думаю, мы встретимся немного позже. Сейчас Ерам тебя развяжет и поможет разобраться с твоими делами, затем тебя накормят, а спустя полторы части мы встретимся вновь. Не беспокойся из-за пут на твоих конечностях, это вынужденная мера. Во время магического лечения многие неосознанно начинают вырываться, что может принести вред как больному, так и лекарю. Больше тебя связывать не будут.

После этих слов маг встал, снял и положил на стул обруч, сказал «послушнику» пару слов и вышел из «кельки». В голове сразу же наступила оглушающая тишина.

Ерамом, как я понял, звали «послушника». Он довольно шустро расплел узлы на моих руках и ногах, при этом оставался предельно серьезным, а потом довольно непосредственно улыбнулся и помог мне встать. Ноги были ватными и плохо слушались. Ерам кивнул на стоящую в углу бадью. Мрак! Долбаные толкиенисты, они что, полностью скопировали средневековье?! Маги, какие-то имена с дебильными приставками! А если меня большая нужда припрет — тоже в это деревянное ведро? Хотя фокус с обручем, честно говоря, производил впечатление и заставлял смутно волноваться. Сделав свои дела,

благо сделать их оказалось несложно, так как одет я был в подобие женской ночнушки длиной по колено, доковылял обратно до кровати и сел.

Ерам все это время крутился рядом, как бы страхуя меня от падения. В принципе, оценивая свое состояние, я понимал, что подстраховка совсем не лишняя. Парень что-то залепетал, но, видя мое непонимание, показал пантомиму «Ерам кушает». Я кивнул. «Послушника» как ветром сдуло. Не удивлюсь, если у него где-то моторчик вставлен. Минут через пятнадцать он вернулся с глиняным горшком и поставил его на стул. Пододвинул стул поближе ко мне. Достал из-за пазухи деревянную ложку и положил рядом с горшком. Только сейчас я понял, насколько голоден! В горшке находился чистый бульон. Видимо, твердую пищу мне пока есть нельзя — догадался я.

Привередничать не стал и накиннулся на содержимое древней посуды. Хотя накиннулся... это мне так показалось. Со стороны все смотрелось как в замедленной съемке. Ерам поглазел на меня минуты две, потом подхватил лоханку в углу и исчез. Вернулся как раз к концу «застолья». Я сыто вздохнул. К организму явно подкрадывался сон.

Стоп, Сергей! Какой, к черту, сон? Надо хотя бы выяснить, где я! Я показал Ераму пальцем на обруч, оставшийся от мага, потом на его голову. Парень ошарашенно замотал головой. Так, у этого ничего узнать не получится. Явно чего-то боится, либо мага, либо обруча. Паренек изобразил процесс умывания. Я кивнул. Он снова испарился. Мыслим далее. Вроде меня не охраняют, дверь не закрывают, то есть не предполагают, что сбегу, не удерживают насильно. Хотя кто его знает, может, там за углом взвод солдат! Я медленно встал и доковылял до окна. Особо мне это ничего не дало, здание явно было многоярусным, а из зарешеченного окна виднелась лишь крыша нижнего яруса. Прокönyляв к двери, толкнул ее — массивная деревянная конструкция с легким скрипом качнулась и сдвинулась с места. Длинный пустой коридор заворачивал за угол. Другая сторона коридора была не видна из-за двери, а выходить я побоялся, можно ведь и напугать кого-нибудь: в этом балахоне я явно похож на привидение.

Ерам вернулся довольно быстро, с тазом и ведром воды, похожими на уже знакомую мне деревянную бадью. Поставив таз на пол и вытащив из-за пояса ковш, показал: вставай в таз, буду поливать. Я помотал головой, переложил со стула на кро-

вать обруч и указал на таз пальцем. Ерам хмыкнул, мол, как хочешь, и переставил таз на стул. Я наклонил голову над тазом, Ерам вылил ковш воды.

— Стой, изверг, она же холодная! — Я чуть не подпрыгнул.

Ерам сразу уменьшился в размерах. «Какой-то он запуганный!» — прокралась мысль. — Ладно, давай дальше», — жестами показал продолжать и снова наклонился над тазом. Повторный крик совпал с очередным ковшом воды. Теперь уже Ерам отпрыгнул от меня, а я замер, вглядываясь в свое отражение. На меня смотрел — не я.

Молча плюхнулся задом на кровать. Посидев немного, взглянул в таз еще раз: нет, точно не я. Молча осмотрел свои руки, приподняв ночнушку, глянул на ноги: как я раньше не заметил — это не мои ноги, не мои руки! Я повернулся к Ераму, тот сжался и застыл около дверей. Потом, видимо поняв, что к нему мое состояние не имеет никакого отношения, ткнул пальцем в таз, следом указал на дверь. Я кивнул.

Вернулся Ерам не один, наверное, слетал к руководству. Сначала в дверь вошел воин. Настоящий, средневековый, с мечом на поясе, в кожаной безрукавке, явно надетой не для понта и выполняющей функции бронежилета. Следом вошел Гэндальф-два, вернее Ярул эль. Не помню. За ними, пятясь задом по причине наличия огромнейшего стула в руках, кочевряжился Ерам. Впрочем, Ерам появился ненадолго и практически сразу же вспомнил о своей привычке быстро исчезать. Я молча взял обруч и протянул его магу. Он надел его и сел на стул. Я повторил действия Гэндальфа-два и напялил украшение на голову.

— Где я?

Маг ухмыльнулся:

— Обычно разговор начинают старшие. — В его голосе явно чувствовалось раздражение. — Если ты помнишь наш уговор, сначала вопросы задам я. Тем более что это не займет много времени. Но на первый твой вопрос отвечу. Ты находишься в лаборатории лекарского факультета Академии жизни.

— Почему в лаборатории?

— А ты, молодой человек, нетерпелив. Хорошо, отвечу и на этот твой вопрос. Вероятно, тебя смущает слово «лаборатория». Тут все просто, академия занимается обучением студентов и новыми разработками в области лекарского дела, отдельных помещений для содержания больных у нас не предусмотрено. Тебя все лекари признали неизлечимым, но твой отец уговорил магистра нашего заведения, чтобы лечением заня-

лись наши маги. Заметь, успешным лечением. Все остальное я расскажу после осмотра. А сейчас я бы посоветовал тебе успокоиться — во избежание возвращения болезни.

Осмотр действительно занял минут пять, причем три из них я просто лежал, глядя магу в глаза, после чего появилось головокружение. Две минуты я отвечал на вопросы, очень похожие на обычные медицинские: а не тошнит ли тебя? Покажи язык! А по-маленькому ходил без крови? Не чувствуешь ли слабости? Чувствуешь? А как это выражается?

По окончании экзекуции маг сел на стул:

— М-да... Интересно. Ну а теперь, молодой человек, я готов ответить на твои вопросы.

— Почему я не похож на себя?

Маг пристально рассматривал меня секунд пять.

— А вот этостораживает. Ты сам-то понял, что сказал? Что значит — не похож на себя? Ты — это ты. А я — это я.

— Ну-у... — Мысли еще больше смешались. — Я выгляжу не так, как раньше. Это не я.

— Норман, ты меня пугаешь. Расскажи мне, как, по-твоему, ты выглядел раньше?

— Норман? — Где-то внутри заскребли кошки, смутная мысль начала оформляться:

«Я в чужом теле. И, похоже, время тоже не мое. Вариантов немного. Либо я каким-то образом переместился в данное тело, либо сошел с ума, начитавшись попаданческих романов. Правда, есть еще и третий вариант — я под кайфом, то есть под действием каких-либо лекарств. Если сейчас буду вести себя по первому варианту — запрут и разберут на запчасти, нахожусь-то я в научном учреждении неизвестного мира. Если по второму или третьему — то мне все это кажется, меня лечат, и самостоятельно я помочь себе не могу».

— Да, Норман, сын купца Рамоса Ровного, — подтвердил мой опасения маг.

В голове проявилась картинка — грузный мужчина лет сорока. Каким-то непостижимым образом я — знал!!! — что это — Рамос и что он — мой отец!

— Ты его разве не помнишь?

— Помню.

— Ну вот, уже лучше, — улыбнулся маг. — А я испугался, думал, лечение не помогло.

— От чего меня лечили?

— От слабоумия.

Мой взгляд, видимо, выразил больше, чем я мог сказать.

— Лечение, как вижу, прошло удачно, по крайней мере, мыслишь ты вполне связно. Для закрепления твоего состояния необходимо провести некоторые процедуры. Завтра к тебе придет маг лекарского факультета, Алессон эль Люмен, он продолжит твое лечение. С ним же ты будешь заниматься изучением языка, поскольку в предыдущем состоянии ты, мягко говоря, не уделял этому времени. По крайней мере, мне показалось, что ты знаешь всего два слова, причем одно из них неприличное. Я был бы рад продолжить нашу увлекательную беседу, но, к сожалению, дела! Поэтому, если у тебя нет срочных вопросов, как во время прошлой нашей встречи, я покину твою обитель. Если что-то будет необходимо, обратись к Ераму. Я вижу, вы ладите.

— А обручем Ерам может пользоваться?

— Каким обручем?

Я показал на свою голову. Маг засмеялся, при этом смех его эхом отразился в моей голове.

— Нет, Ерам не может, по крайней мере, с тобой. Ментальный амулет, ну или, как ты называешь, «обруч» — всего лишь, скажем так, упрощает взаимодействие магических структур. Поэтому для его использования хотя бы один из говорящих должен быть магом.

Гэндальф-два снял амулет и улыбнулся, у меня в голове прозвучало:

— До встречи.

Вместе с магом вышел и его безмолвный охранник.

«Да он не то что не из нашей страны, он не из нашего мира! — Ярул нервно вышагивал по кабинету. — Сколько знаний! И ничего не вытащить, душа сразу вырывается, еле удержал. Каким-то непостижимым образом воспоминания переплетены с душой. Да за одно то, что этот тип — доказательство существования иного мира, его тайная служба так спрячет, что ни один поисковый амулет не найдет! Ну и меня заодно Светлое братство на костер отправит. Некрос! Надо было стереть ему память. Может, сейчас, пока не поздно... Навозный купец с его десятью тысячами! Сдаст страже, а то и в тайную канцелярию сообщит! — Маг плеснул в кубок вина. — Нет, все-таки изначальный вариант неплох, а спустя полкруга можно будет воспользоваться услугами ночных гильдий. Сейчас лучше ускорить время блокировки, не дай боги, кто-нибудь еще в его го-

лове побывает. А как наивен! — Эль Варух улыбнулся. — Пара внушенных воспоминаний, и он уже колеблется в воспоминаниях о своем происхождении. При наличии большего времени хотя бы полкруга можно было бы обходиться без блокировки и так стал бы Норманом».

За вечер я загонял свой разум самыми различными теориями — от пересадки мозга до похищения инопланетянами, — но все они отменялись по тем или иным причинам. Основными оставались три. Первая — я попаданец, за нее говорило наличие воспоминаний о другом мире и некоторая странность при утренней встрече с главным и Гэндальфом. Главный тогда явно проверял меня на знание языков. То есть они догадываются, что я не из их мира, хотя не факт. Вторая — я сошел с ума в своем мире, данная теория ничем не подтверждалась, но и не опровергалась (кто его знает, что видят сумасшедшие!) Третья — я действительно бывший душевнобольной Норман, в пользу этого говорило воспоминание об отце, ну откуда бы оно иначе появилось...

Ужин, принесенный Ерамом, состоял из того же бульона, правда, с небольшим кусочком хлеба из незнакомого сорта муки. Уснул я довольно быстро, сказались переживания, общая слабость и истома, появившаяся из-за сытости.

Утро прояснения не принесло. Позавтракав стаканом молока и тем же непонятным хлебом, я попросил у Ерама таз с водой, так как объяснить ему жестами, что необходимо принести зеркало, мне не удалось. Не удивлюсь, если зеркал здесь нет. Внешность моя, мягко говоря, оказалась не ахти. Круглое лицо с выпученными глазами и явными признаками идиотизма настроения не добавило. Все попаданцы как попаданцы, если уж и попадают, то в тело атлета, а я вселился в желеобразную субстанцию с головой жабы. Попытавшись привести в порядок белобрысую шевелюру, остался недоволен результатом. Выпросил у Ерама штаны. Вместе с холщовыми штанами он припер мне белую рубаху из очень даже неплохого материала, зеленый пояс и глиняный свисток в форме птицы. Вопросительно ткнув пальцем в свисток, получил аналогичный тычок в собственную грудь. Так, вещи явно мои, просто были сданы на хранение. При попытке прогуляться наткнулся на яростное сопротивление Ерама. И хотя окончательного вывода о своем происхождении так и не сделал, появилась первая цель — надо осмотреться, хотя бы выйти на улицу.

Алессон эль Люмен появился сразу после бульонного обеда. Им оказался тот самый Гэндальф-один, старик, как потом выяснилось, довольно приятный.

— Алессон эль Люмен, — представился он, не надевая амулета.

— Э-э, Норман.

Сквозь бороду проступила улыбка. Старик надел амулет, и в голове прозвучал бархатистый голос:

— Я знаю. Как самочувствие?

— Хорошо.

— Головокружения, обмороки?

— Нет, не было.

— Сейчас тебе необходимо принять кое-какие зелья, они увеличат твое восприятие извне.

— Как?

— Ты будешь быстрее запоминать то, что видишь и слышишь.

Из торбы, принесенной незаменимым Ерамом, маг выставил на прикроватный столик различные склянки. Столик, кстати, Ерам припер еще утром.

Последующие два дня я под руководством Алессона по два-три часа изучал язык Исвари — королевства, в котором оказался, ну или жил до этого, окончательно для себя я так и не решил. Новый язык впитывал как губка. Никогда не замечал за собой склонности к полиглотству, а тут как прорвало. Подозрения конечно же пали на склянки Алессона. Но каков эффект! Куда там методу Давыдовой. Через два дня я мог высказать Ераму практически все свои пожелания. Алессон же укреплял и мое здоровье при помощи не самых аппетитно пахнущих и приятно выглядящих жидкостей.

Один раз в медицинских целях меня выгулял по двору академии Ерам. Разумеется, по распоряжению мага. Академия представляла собой крепость с огромным средневековым замком внутри и кучей всевозможных построек. Почти все постройки были выполнены в замковом стиле, то есть из крупных каменных блоков. «Это ж сколько они труда вбухали, пока строили! Хотя магия... Может, они одним движением волшебной палочки умеют выращивать такие вот замки из земли!» Мне представился Алессон, «выращивающий» дворец.

Внешние стены крепости вверху завершали прямоугольные зубцы. По углам торчали две башни. Я предполагал, что и на других углах они стоят, но обзор закрывал замок. Между

постройками бесконечно сновали студиозусы. В том, что это именно студенты, я нисколько не сомневался. Несмотря на древнюю одежду, от них словно пахло зубрежкой, беззаботностью и гулянками. На улице дышалось легко. Оказалось довольно прохладно, хотя снега не было. Не зря Ерам притащил мне теплый шерстяной плащ. Несмотря на холод, в воздухе прямо пахло весной. Свежий воздух пьяно дурманил голову.

— Норман!

Я не сразу сообразил, что кричат именно мне.

— Норман!

От кучки проходящих студенток отделилось создание в серой хламиде. Вблизи оно оказалось миниатюрной девчушкой лет четырнадцати, с черными локонами, огромными зелеными глазами и очень миленьким личиком.

— Норман, привет. А ты как здесь очутился? — скороговоркой заговорила девушка. — Ах да, тебя же на лечение привезли, дядя говорил.

Она запрыгала вокруг меня, как воробей.

— Нейла! — прокричал кто-то из кучки студенток.

— Сейчас!

— Нейла!

— Ну ладно, мне пора, увидимся, пучеглазик!

Девушка ловко подпрыгнула, чмокнула меня в щеку и упорхнула.

Я даже слова вставить не успел, стоял и ошарашенно хлопал глазами. Ерам потянул меня за рукав, выводя из ступора.

На третий день занятий появился Ярул эль Варух.

— Привет! — поздоровался я с магом на исварском.

— Я вижу, у тебя успехи, но более знатным людям принято говорить «здравствуйте», — беззлобно произнес маг, надев амулет. — Но тебе пока простительно.

Я хотел было указать ему на то, что он мне тоже тыкает, но вовремя прикусил язык: кто его знает, как у них тут по этикету маги общаются с людьми! Да и своего статуса в обществе я пока не знал, потом разберусь.

— Итак, молодой человек, — продолжил маг, — я вижу, что первый этап твоего лечения успешно завершен. Ты вполне связно мыслишь. Никаких отклонений от мышления обычного человека не замечено. Делаешь неплохие успехи в овладении языком. Для дальнейшего твоего выздоровления необходимо произвести осмотр и некоторые процедуры.

Зазвучавший в голове голос сквозил каким то холодом, а чувство самосохранения взревело сиреной: «Врет!»

— Может, не стоит, вроде и так все прекрасно!

— Для закрепления успеха просто необходимо провести кое-какой ритуал.

В моих глазах поплыли круги, появилась тошнота, я стал проваливаться в омут. Да чтоб тебя!..

Маг устало встал со стула: «Ну вот и закончили. Как же долго пришлось возиться, уже третья четверть ночи. Зато все получилось! Блокировка плотно завязана с душой, попробует кто-либо снять — и душа уйдет. Правда, пришлось для маскировки наложить плетение увеличения восприятия. Пусть это будет тебе мой подарок. Если кто-то и рассмотрит, то всегда можно будет объяснить необходимостью ускоренного обучения больного. Через круг плетение спадет без подпитки, а блокировка к тому времени настолько срастется с каналами мозга, что сам Некрос не сможет разорвать. Да и проживешь ли ты круг, иномирянин. Прощай. А как все-таки жаль, столько знаний!»

Глава 2 НОРМАН

— Дядя Храм, дядя Храм, а почему тебя назвали в честь здания на площади?

— Это не меня в честь него, это его в честь меня назвали.

— Шути давай, — вклинился отец. — Завтра ляпнет кому-нибудь, будешь потом храмовникам объяснять, кто и в честь кого назван.

— Понимаешь, Норман, — осознал свою ошибку Храм, — мое имя из другого языка, и означает оно «отчаянный», а название здания на площади просто звучит так же.

Уже шесть десятин как я вернулся от лекарей академии. Дома оказалось значительно веселее. Хотя академию я плохо помнил. Запомнил только, что там все строгие.

Зато дома раздолье, все добры ко мне. Дядя Лекам, друг отца, который жил вместе с нами, конечно, заставлял учиться, но всего пару частей в день. Я уже много знал. Как говорить. Кто такие боги. Как считать. Что в мере — сто ударов сердца, в части — сто мер, в сутках — двадцать частей, а день и ночь можно

еще делить на четверти. В сезоне десять десятин и два дня, а сезонов четыре, и из них состоит круг солнца. Город, рядом с которым находилась академия, назывался Еканул, а страна — Исвария или Исварское королевство, и еще много-много чего другого.

А в остальное время я помогал отцу в лавке или дяде Лекаму варить эликсиры, а то вообще пропадал в конюшне с Барсом. В Барса, белоснежного жеребца, я был влюблен. Таскал ему морковь, выпрошенную, а после того как стал получать отказы, и наглым образом стибренную у Арофьи, нашей кухарки, прачки и уборщицы по совместительству. Мне было в радость не только мыть коня, но даже убирать каждый вечер на конюшне. Данную почетную обязанность с радостью сложил с себя отец.

А сегодня вернулся дядя Храм! Он уезжал сопровождать купеческий обоз. И все бы ничего, но дядя Храм был орком! Настоящим орком с зелено-коричневой кожей и клыками. А орков я никогда не видел, а может, и видел, но не помнил. Отец сказал, что после болезни я могу чего-то не помнить. Мало того что дядя Храм был орком, он был орком в доспехе и с огромным мечом. И я крутился вокруг него вот уже больше части, задирая голову, чтобы рассмотреть клыки. Я и сам не маленького роста, почти четыре локтя (дядя Лекам замерял), но в дяде Храме, казалось, было все пять.

— Знаешь, Ровный, я начинаю скучать по тому времени, когда он молчал, — пророкотал орк, хмуро глядя на Нормана. — А может, мне его съесть?

У меня, видимо, расширились глаза, потому что дядя Лекам с отцом прыснули от смеха.

— Так, малец, я дарю тебе вот этот нож и сегодня тебя не вижу и не слышу. — Храм отцепил со своего пояса обоюдоострый кинжал в ножнах и протянул мне.

То, что для орка было ножом, мне больше подходило как меч. Я с усилием наполовину вынул нож из ножен и рванул за дом, потом приостановился:

— Спасибо, дядя Храм!

— Норман, с ножом со двора ни-ни. — Отец строго посмотрел на меня.

— Почему?

— Тебя только отпусти, зарежешь еще кого.

— Ну, пап.

— Нет, я сказал! Кто вчера устроил драку с базарными мальчишками?

— А чего они меня орочьим прихвостнем и придурком обзывали? А откуда ты про драку знаешь?

— Ты на лицо свое посмотри, под глазами сине.

— Ла-а-дно.

Над двором повисло молчание, казалось, даже птицы не щебетали.

— Ты как хочешь, Рамос, а я буду учить парня, как постоять за себя. И не спорь. Знаю, что не по нраву тебе это, но мужик должен уметь биться, хоть на кулаках, хоть на мечях. — У Храма пропал игривый настрой. — Тем более что в солдаты его все равно не возьмут, так что не беспокойся.

— Да понимаю я все, но и Салка с Борком не забываю. Учи, что поделаешь. Препятствовать не буду.

— Смышленный паренек растет. — Лекам со вздохом поднялся с бревна, которое использовал в качестве скамьи последние мер десять. — Я ему на той десятине умножение взялся объяснять, так он мне про степени и корни рассказал так, будто всю жизнь только и делал, что расчеты производил. Откуда знает ...

— В академии, видимо, учили, он же рассказывал.

— Быстро развивается. Когда ты его привез, он умом круга на три тянул, сейчас уже на все семь.

— Академские предупредили, что плетение на голову накиннули. Первое время, сказали, будет быстро обучаться, но постепенно плетение развеется. Через круг, может, чуть меньше совсем исчезнет.

— Свою я его к Горнальду завтра, он маг хоть и старый, но еще ничего. Пусть посмотрит, не доверяю я этим академским. Хоть и вылечили парня, а проверить надо.

— Твой Горнальд говорил, что Норман неизлечим. Академские — вылечили. А теперь ты к нему проверять пойдешь. Не вздумай даже! Мне до навозной кучи, что они там делали, хоть Некросу молились, но парня подняли. К старости радость-то какая! — Рамос грузно направился к дому.

— Это к какой старости? — ожил Храм. — Тебе всего шестьдесят, еще полста кругов мечом махать можно. Вон Сарентию, соседу, сто сорок исполнилось, а он к своей служанке приглядывается.

— Вот именно что приглядывается, а я хочу в этом возрасте еще и топтать.

Компания дружно засмеялась.

Утром меня поднял Храм:

— Ну! Вставай, воин, пойдем дух закалять! Вчера ты за мной бегал, сегодня от меня бегать будешь.

Через полчасти бега вокруг дома я был, что называется, в мыле, следующие полчасти орк меня растягивал. Я даже не предполагал, что могу быть настолько гибким, а соседи не думали, что я так умею орать. Спасла Арофья:

— Заканчивай парня калечить, только вылечили! Пойдемте завтракать.

Умывшись по-оркски, то есть поливая себя из бочки (в моем случае — поливали меня) холодной водой, только что набранной из колодца, пошли в столовую. Отец с Лекамом потихоньку посмеивались, когда я трясущимися руками пытался донести ложку с супом до рта.

После завтрака отец ушел в лавку, а Храм — узнавать, не нужна ли охрана в обозы. Мной же занялся Лекам. Поскольку математика во всех ее проявлениях, от арифметики до геометрии, давалась мне легко, вернее, все получалось само собой, занимались мы большей частью написанием и исторической географией, ну или географической историей, так как эти предметы были тесно переплетены. Корябать грифелем мне ужасно не нравилось, и поэтому из данных предметов я больше предпочитал историю. Дядя Лекам умел рассказывать:

— И вот сорок кругов назад, когда я был чуть старше тебя, в Старкской империи разделились взгляды на темную магию.

— А рядом с нами — Старкское королевство?

— Ну да. Империя распалась. До этого мы дойдем. Итак, были сторонники применения темной магии и сторонники ее запрета.

— А чем отличается темная магия от светлой?

— Темная магия основана на использовании крови, душ и мертвых тел, часто на жертвоприношениях, а светлая — на накоплении чистой силы, ну или, как еще говорят, маны.

— То есть темные маги убивали людей?

— Не всегда, но были и такие. Тех, кто использует в той или иной мере человеческое тело или душу, называют некромантами, а животных — просто темными.

— А сейчас темные маги есть?

— Будешь перебивать, не узнаешь. И так, на чем я остановился? Были сторонники применения темной магии и сторонники запрета. Круга два в императорском дворце не утихали споры, в итоге на одном из советов приняли решение запретить темную магию. Возможно, этому поспособствовала смерть одного из родственников императора от неизвестных причин, возможно, что-то другое, но сейчас уже ничего не изменишь.

— Ну и правильно, что спорить, нечего людей убивать.

— Тут ты ошибаешься, не все так просто. Скажем, живет какая-нибудь старушка в деревне, дали ей боги чуть-чуть магической силы, на простейшее плетение едва хватает, а в деревне мор скота. Вот старушка и режет корову, а на основе ее крови делает снадобья для других коров. Для этого сил много не надо, часть силы берется из крови. В основном в темные шли довольно слабые маги, хотя встречались и очень сильные, которые хотели еще большей силы. То есть не все темные действовали во вред людям.

— А еще что они делали?

— Не перебивай! Продолжим. Храмовниками совместно с Императорской тайной службой было создано Светлое братство, которое принялось уничтожать темных магов по всей империи. Просто темных четверговали, некромантов сжигали. Понятно, темным это не понравилось. Один из них, граф Элезиус, объединил часть темных и дал серьезный отпор Светлому братству. Светлое братство обратилось к императору, тот выделил войска. Так шаг за шагом дошло до того, что разразилась Темная война. Длилась она более восьми кругов. И втянулись в нее все народы империи: и люди, и орки, и гномы, и эльфы.

— А у нас в городе эльфы есть?

— Есть, но ты их вряд ли увидишь.

— Почему?

— Они во дворце живут, послы Леса. Не перебивай! В общем, насколько бы сильными ни были темные маги, их здорово потрепали. Поняв, что без хитрости не выиграть, темные начали стягивать основные силы к императорскому дворцу. Причем стягивали так, чтобы никто не догадался. Обычно один-два некроманта поднимали сотню мертвых где-нибудь на окраине, войска светлых бросали туда, а в это время несколькими небольшими обозами, дабы не привлекать внимания, темные с применением чар скрытности продвигались к дворцу. И в один не очень прекрасный день они, собрав достаточно сил, попытались прорваться и убить императора. Причем про-

рывались не только снаружи, но и изнутри, открыв императорский портал.

— А что такое портал?

— Это такие ворота, сквозь которые можно проехать через тысячи верст за три удара сердца.

— Если бы у нас был портал, мы могли бы со двора попасть куда угодно?

— Нет, сам портал — это довольно сложный амулет. В империи их всего пятнадцать, и совершить переход можно только между ними. Но без центрального портала, находящегося в императорском дворце, передвижения невозможны, а дворец сейчас на Темных землях. Об этом сейчас расскажу. Поэтому со двора попасть куда угодно не получится. Продолжим дальше.

Так как во дворце было довольно много светлых магов, прорыв захлебнулся, тогда темные осадили дворец. Ближайшие армейские полки добирались до дворца три дня, и все три дня велась ожесточенная битва. Мертвые и живые резали, кололи и жгли друг друга. Нельзя было шагу шагнуть, чтобы не наступить на чьи-либо останки. Измененные темной магией звери рвали светлых. Лошади под воздействием магов кидались на людей. Когда подошла армия, темные не сдались, так как понимали, что их все равно казнят. Больше сотни темных магов провели ритуал самопожертвования. И на месте дворца вспыхнул огонь такой силы, что камни плавилась. И пошла мгла от этой вспышки. Кто бы ни попал в этот туман, умирал и тут же вставал мертвым. На много дней пути все вокруг замка вымерло и вновь ожило. Но постепенно туман рассеивался и с каждым днем пути ослабевал. В ослабленном тумане все живое также умирало, но уже не оживало. А потом туман рассеялся. Так образовались в центре империи Темные земли. Они до сих пор существуют. Поскольку император, его семья и большая часть армии в тот день погибли, началась смута и война за оставшиеся земли — между людьми, эльфами, орками и гномами. И вот сейчас на месте империи существуют три человеческих государства, ороочи земли, леса эльфов, а также горные хребты гномов. Но об этом я расскажу тебе в следующий раз. Закрой рот, пчела попадет.

— Получается, темные боролись за свою жизнь?

— Хороший вопрос. И я даже рад, что ты сам до него додумался.

— А что сейчас в Темных землях?

— Завтра расскажу.

— Ну, дядя Лекам.

— Сказал, завтра! Сейчас пойдем косметический эликсир готовить. Отец еще вчера просил.

— А я могу стать магом?

— Нет.

— Почему?

— Магами не становятся, дар либо есть с рождения, либо нет. У тебя нет.

Чувство от урока осталось двоякое. Вроде бы скверное явление — некроманты, но мои симпатии были частично на их стороне.

Следующие три десятины каждое утро для меня начиналось одинаково. В течение части времени я пребывал в царстве Некроса. Храм взялся за мое обучение всерьез. Приговаривая: «Я сделаю из тебя орка!» — он гонял меня вокруг дома. Правда, уставал я уже не так сильно, по крайней мере, ложка в руках не тряслась. Сразу после занятий Храм натирал меня дурнопахнущей зеленой мазью, изготовленной по рецептам предков, боль от растяжения снимало как рукой. Но основным свойством мази, по словам Храма, было закрепление растянутых связок и сухожилий. Днем для меня наступало время силовых упражнений. «Будущий орк» отжимался, подтягивался, поднимал и кидал бревна, специально приготовленные Храмом, затем прыгал через эти же бревна, опять отжимался. При чем с каждым днем время занятий увеличивалось. Когда уставал, наступало время уроков Лекама. Со временем мне стали нравиться даже занятия по написанию, лишь бы не к Храму! Но если только орк видел, что я свободен... Надо ли говорить, что вечером я падал в кровать и засыпал как убитый. Спустя три десятины я почти садился на шпагат, мог бегать не хуже лошади (по крайней мере, мне так казалось) и поднимал бревно всего лишь в три раза меньшее, чем обычно поднимал Храм.

— Так. Сейчас моешься, — Храм возвышался надо мной, глядя на мои потуги отжаться с поставленным на спину мешком песка, — потом бежишь на базар, покупаешь Арофье овощи. Она скажет, какие, а то ты потаскал своему Барсу всю морковь. Заодно получишь от нее награду по заслугам. Потом уберешь конюшню. А вечером будем учиться биться.

Я даже упал грудью на бревно, от которого отжимался.

— На мечях?

— Ага, на луках. Ты сначала научись сражаться без оружия.

— Блин!

- А при чем тут блин?
- Не знаю. Так, вырвалось.

Выбежав из калитки нашего двора, я рванул в сторону базара. Плечо немного пощипывало — не смог увернуться от мокрой тряпки Арофьи, лишь чуть-чуть недотягивающей ростом и силой до Храма. На базар я буквально влетел и сразу постарался затеряться среди стоящих довольно хаотично деревянных лотков. Базарные беспризорники не жаловали меня. Особо бояться, конечно, было нечего. Я на голову выше самого крепкого из них и в плечах пошире раза в полтора. Но когда они успевали собраться в стаю, мне могло прилично достаться. В прошлый раз пришлось под их улюлюканье спасаться бегством. Пролавировав между лотками, я добрался до овощного ряда, где у знакомой тетки купил то, что заказывала Арофья в то самое время, когда медленно подбиралась ко мне для подлого удара тряпкой.

Выбравшись с базара, вздохнул с облегчением — обошлось без происшествий. Наклонившись немного в бок (Арофья, видимо, специально заказала столько, чтобы мне жизнь медом не казалась), поплелся в сторону дома. По дороге сделал небольшой крюк, заглянув к отцу в лавку. Лавка стояла в квартале знатных, на довольно бойком месте. Насколько я знал, там она не принадлежала, отец взял ее в аренду. В квартале знати все дома строились из камня, не как в купеческом — деревянные. Некоторые из домов походили на дворцы с каменными скульптурами и изящными балконами, нависающими над булыжной улицей. Забежав к отцу, похвастался успехами у Лекама и орка, а также тем, что Храм обещал вечером учить меня биться. При этом отец слегка помрачнел. Он похвалил меня за то, что помогаю Арофье (я не стал рассказывать об истинных причинах похода на базар), потрепал меня по изрядно опавшей благодаря стараниям Храма щеке и проводил теплым взглядом до дверей.

У квартальных ворот я поглазел на кавалькаду всадников. Привлекло внимание животное, на котором ехал первый всадник. Это была раз в сто увеличенная кошка с огромными клыками и пушистым хвостом. Уздечки на ней не имелось, но всадник в голубом плаще каким-то неведомым образом управлял ею. Ростом кошка была почти с лошадь, но явно пошире. Я уже хотел идти дальше, когда услышал окрик:

- Норман?!

Из конца кавалькады на рослом жеребце в сверкающей сбруе (наш Барс все равно выше!) ко мне повернул Ярул эль Варух.

— Да, ваше магичество. — Я опустил голову и поздоровался, как учили в академии.

Насколько я помнил, данное приветствие практиковалось только в стенах академии, но, поскольку не знал, как поздороваться по-другому, использовал это.

— Ладно, ладно, ты не студент и мы не в академии. Не называй меня так. Подними-ка голову, я на тебя посмотрю, — произнес он, одновременно с легкостью выпрыгивая из седла. — Я гляжу, ты похудел, возмужал, а всего прошло-то... — бархатным голосом выговорил он, вертя мою голову за подбородок.

Вдруг взгляд его изменился и вместо слегка усталого и проницательного превратился во взгляд хищной птицы. Маг отодвинулся от меня на пару шагов и осмотрел всего, более тщательно остановившись на области груди. Его рот слегка скривился. Но прошел миг, и передо мной вновь стоял добродушный и уверенный в себе человек.

— Ну, как твоё здоровье?

— Хорошо, э-э...

— Зови меня господин эль Варух, — понял он причину заминки.

— Хорошо, господин эль Варух.

— Голова не болит?

— Нет, господин эль Варух.

— Ничего необычного не ощущаешь?

— Нет, господин эль Варух.

— Скажи своему отцу, чтобы он привез тебя в академию... Хотя нет, не надо.

Маг, не прощаясь, мгновенно взлетел в седло и взял с места в галоп. Я простоял удара три сердца, ошарев от неожиданного окончания разговора, после чего тоже ускорился, насколько это можно было сделать с корзиной овощей, в сторону дома.

Глава 3 ВОИН

«Искра! Как? Откуда? Откуда у него могла взяться искра, пусть слабая, но искра? В академии ее точно не было, я же сам осматривал! — Эль Варух гнал жеребца по улицам — И что те-

перь? Да любой маг увидит и задастся вопросом: откуда? Потом начнут выяснять, что происходило необычного. А может, его не проверяли в детстве, он ведь был идиотом. Да как не проверяли, его с рождения по лекарям и магам таскали. Некрос, что делать? Остается один вариант...»

Храм ждал меня. Заставил снять рубаху и размяться. Размялся сам, остановился напротив:

— Нападай.

Я встал в стойку и начал медленно подходить. У орка расширились глаза:

— Тебя что, кто-то уже учил?

— Нет.

— Откуда знаешь стойку?

— Не знаю. Какую стойку? — И тут я попытался нанести удар левой.

Орк с грацией, достойной танцовщицы, отклонился от удара и толчком с подсечкой отправил меня на песок.

— Ну ты сейчас стоял в стойке.

— Не знаю, как-то само собой получилось.

— Что-то у тебя часто само собой получается, — вклинился в наш разговор Лекам, хорошо знавший мой коронный ответ на занятиях математикой.

Я вновь пошел в атаку, закончившуюся, впрочем, аналогично предыдущей. Попытке на шестой уклонился от контрнападения Храма и, захватив его, попытался бросить через бедро. Но, во-первых, весовые категории были разные, а во-вторых, он ловко перенес точку опоры и захватил меня за шею.

— Ну, совсем даже неплохо... с таким врожденным талантом обучение пойдет быстро. — Орк сдавливал мою шею все сильнее, пока я не захрипел:

— Все, сдаюсь.

С десятину Храм учил меня стойкам, захватам, основным ударам. Я впитывал все как губка. На занятиях с Лекамом у меня тоже наметились значительные успехи. Я практически моментально запоминал то, что он рассказывал, и почти слово в слово повторял на следующий день. Лекам как-то заинтересовался материалом, пройденным пять дней назад, результат был аналогичным.

Через десятину к силовым, на выносливость, на растяжку, борцовским — добавились занятия на мечях. К сожалению,

удивить Храма талантами в этом искусстве мне не удалось. Деревянный меч я держал, по словам орка, «как Арофья скалку». Но тем не менее основные стойки, переходы и даже пару ударов я выполнял уже как «беременный гоблин», что должно было считаться похвалой.

Частенько посмотреть на наши занятия приходил Лекам. Он с задумчивым видом созерцал мои падения и прыжки в сторону от очередного удара деревянным мечом. Лекам, в отличие от орка, хотя бы не комментировал мои неудачи. Однажды он, как обычно, стоял у края площадки, где орк делал из меня бойца, и вдруг попросил:

— Храм, можно мне погонять мальчика?

Храм молча отошел в сторону. Лекам встал напротив меня и расслабился.

— Нападай.

Я довольно уверенно пошел в бой. Лекам после орка не казался опасным противником. Но он неуловимо уходил от всех моих ударов, даже не поднимая рук. А потом вдруг присел, одновременно закрутившись вокруг себя, и выбросил ногу в мою сторону. Со стороны мой полет не смотрелся комичным, но приземление частично на голову не добавляло хорошего настроения.

— Еще, — проговорил Лекам.

На этот раз я даже не смог попробовать нанести удар. Сев на пятую точку, держался за грудь и хватал воздух ртом. После того как отдышался, снова услышал:

— Еще.

Где-то после семи падений, каждому из которых предшествовал явно не учебный удар, за меня заступился Храм:

— Лекам, ты бы поаккуратней.

— Так надо. Еще.

После очередного падения я вдруг заметил: Лекам стал чуть-чуть медленнее наносить удары. Он снова присел и исчез из поля зрения. Я подпрыгнул. От нижнего удара кулаком, последовавшего сразу, ушел корпусом и нанес ответный удар. Лекам уже почти успел отойти на безопасное расстояние, но только почти. Немного, но мои костяшки все же коснулись его груди. Он остановил рукой поединок, как-то странно посмотрел на меня. Затем молча развернулся и ушел. Храм задумчиво глядел ему вслед.

— На сегодня хватит.

— Я не знал, что Лекам умеет так биться. Дядя Храм, расскажи.

— Не Лекам, а дядя Лекам. Захочет, сам расскажет. Пойдем, смажем твои синяки.

Вечером пришел отец. Мы сели ужинать. Лекам с отцом, как обычно, обсуждали дела лавки, которые, как я понимал из разговоров, шли ни шатко ни валко. Храм во время еды принципиально не разговаривал. Про дневную историю на поле (так Храм называл наше импровизированное ристалище на заднем дворе) ни орк, ни Лекам не проронили ни слова. Я тоже промолчал, посчитав рассказ ябедничеством. Хотя где-то в глубине души было обидно: за что он меня так? Под конец ужина, уже наевшись и не зная, чем себя занять — уходить, пока кто-нибудь из старших не встанет, было не принято, — я спросил у отца:

— Отец, а зачем вон те мечи висят на стене, они же старые и потрепанные. Вот твой, в спальне, гораздо лучше выглядит!

В столовой повисло молчание.

— Это мечи твоих братьев. Тот, что слева, — Салка, справа — Борка. — Отец медленно выдавливал из себя слова.

— А где они?

— Погибли.

— На войне?

— Да.

Вновь повисло тягостное молчание, отцу явно была неприятна эта тема.

— Лекам, а у тебя ведь Нейла должна на каникулы приехать? — разрядил обстановку Храм.

— Да, в начале следующей десятины. Поеду за учебу платить и привезу ее. Рамос, я возьму Барса? — Лекам просто расцвел.

— Конечно, чего спрашиваешь.

Разговор вернулся в прежнее русло, а вскоре и вовсе все разошлись спать. Я поднялся к себе на второй этаж и лег на кровать. Сон ни в какую не шел. Нейла. Что-то очень приятное щекотало в душе, а вот вспомнить не мог. Как не мог понять, что меня взволновало. В третьей четверти ночи с первого этажа послышался довольно странный металлический звон. Я встал, натянул сапоги и выглянул в коридор. Ничего не понимая, сбежал с лестницы и попал в темноту столовой. Ближе к входу на кухню сверкала сталь. Две темных тени теснили к двери третью.

— Харра! — рычал знакомый голос.

«Да это же дядю Храма рубят!» — мысли лихорадочно заметались. Я сдернул со стены ближайший меч, выхватил его из ножен и, прижавшись к стенке, начал подходить к нападавшим со спины. Замер. Убивать людей мне не приходилось, и даже в этой сумятице я не мог решиться. В итоге догадался резануть по ноге. Подрубив под колено ближайшего, обратным ударом рубанул следом по спине, знал — удар не смертельный. Но незнакомец в момент второго удара начал заваливаться на поврежденную ногу, одновременно поворачиваясь ко мне. Меч с чваканьем вошел в горло. Через два удара сердца противник Храма тоже был на полу, через три — зажегся магический светильник под потолком, осветив картину битвы.

В столовой за нашими спинами стояли с оголенными мечами ошарашенные Лекам и отец. Меня начало потряхивать. Храм шагнул ко мне, взял за голову одной рукой и прижал к груди:

— Тише, тише, уже все кончилось.

По щеке, прижатой к груди орка, потекло что-то липкое и горячее. Кровь.

— Дядя Храм ранен!

Все сразу оживились, усадили воина на скамью. Лекам побежал за мазью, отец начал протирать водой раны.

— Ерунда, неглубокие, жить будешь. А где Арофья? Арофья!

— Не надо, не зови. — Орк посмотрел в глаза отцу.

За стражей ходил отец. Лекам в это время перевязывал Храма. Вместе со стражей пришел сыскарь из тайной службы.

— О, Храм! Сколько кругов не скатывались вместе! — Он хохотнул своей шутке.

— Да лучше бы нас в разные стороны раскатывало.

Сыскарь снова хохотнул:

— Привет, что ли! Раньше мы с тобой, почитай, каждую десятину виделись. Сколько харчевен и трактиров ты разнес! У-у-у!!!

— Ну привет, Лысик.

Сыскарь и вправду был абсолютно лысым. Форменный камзол выпирал пузырем на животе.

— Давно меня так не называли. Эх. — Он вздохнул, видимо вспоминая о чем-то. — О, и Ровный с Огоньком, да у вас, как обычно, вся компания в сборе, — воскликнул он, увидев входящих отца и Лекама.

— И тебе, Лысик, не хворать. — Отец хмуро посмотрел на него.

— Так, что тут у вас? Ага...

Сыскарь прошел на кухню. Вернулся через пару мер, тщательно осмотрел трупы нападавших.

— Я так понимаю, сначала прирезали женщину, а потом попытались прикончить тебя, на чем и обломали зубы.

— Да. По-видимому, Арофья зачем-то встала ночью и наткнулась на них. Успела только вскрикнуть. Я проснулся, сон у меня на это дело чуткий. Вышел. Ну ты меня знаешь, без меча я никуда.

— Помню, помню.

— Ну а дальше дело мастерства. А там и Лекам с Ровным на музыку сбежались.

— А вас, молодой человек, как зовут? — Инспектор повернулся ко мне.

— Норман его зовут, это мой сын. — Отец сел на стул. — Спал он, когда все произошло, на втором этаже плохая слышимость.

— А второй меч чего в крови?

— Так во время боя пришлось со стены сдернуть, сподручнее с двумя-то. — Храм поморщился от боли.

— Понятно.

По виду сыскаря не было ясно, поверил он или нет. Мужчина пристально посмотрел на меня. Отвернулся. Видимо, воином я в его глазах не выглядел.

— Непростые ребята к вам зашли, из ночной гильдии.

— Да мы по одежде видим.

— Да нет. Не видите вы то, что я вижу. Черные маски на лице — это полбеды. Элитные бойцы. Последний раз я их кругов десять назад в таком виде застал. А вот с их работой постоянно сталкиваюсь. Правда, не в вашем квартале, все больше у знати. Я вот на бочонок пива могу поспорить, что в шее, справа, у них вживлены накопители силы и плетение увеличения реакции на мозг накинута. Ну, вскроем, посмотрим. Так что повезло тебе в очередной раз, Храм.

— Тем и живем.

— В течение завтрашнего дня жду вас у себя в управе, объяснения напишете. Хотя что я вам рассказываю, сами все знаете. Как идти — не забыли?

— Найдем. Мальца можно не брать с собой?

— Этот малец скоро тебя перерастет, Храм. Можете не брать.

Инспектор пошел к выходу. Трупы стража уже вынесла, на выходе он обернулся:

— И еще... Серьезно вы кому-то хвост подпалили в этот раз. Элитные просто так не сдадутся, они заказ взяли, для них это

дело чести. Хотя думаю, десятины три до нового визита у вас есть, пока следующие бойцы до города доберутся.

— А эти что, не местные?

— Больше не могу рассказать. Но чувствую, не в последний раз я в вашем доме. — Инспектор закрыл дверь.

— Ну что, я думаю, спать никто не пойдет, небо вон уже алеет, — прервал молчание Лекам. — Давайте прибираться и завтракать, а потом поговорим.

Уборкой занимались отец с Лекамом, меня и Храма отправили в комнату к орку. Храма — по причине ранения, а меня — как сиделку ну и чтобы под ногами не мешался.

— Поздравляю.

— С чем, дядя Храм?

— Э-э, нет, какой я тебе теперь дядя? Во-первых, у тебя на счету первый враг. Кстати, держи!

Он достал из-за кровати меч в черных ножнах:

— Твой трофей.

— Дядя Храм, это как?

— У него два было, я попросил Лекама один снять и спрятать, пока стража не прибежала.

— И что, инспектор не заметил?

— Да все он заметил, и вид твой бледный, и традиции знает.

Я разглядывал меч, наполовину вынутый из ножен.

— Так вот, когда орк убивает своего первого врага, он становится воином вне зависимости от того, сколько ему кругов. А воин воина не может называть «дядя». Во-вторых, сегодня ты бился со мной в одной битве, то есть по орочьим законам ты мне теперь как родственник. По-вашему, по-людски, это что-то типа побратима — в одной крови искупались. В-третьих, ты мне спас жизнь, я твой должник. Поэтому с сегодняшнего дня для тебя я просто Храм.

— Но я ведь нечаянно... Я не хотел убивать.

— Судьбу плетут духи. Что произошло — не вернешь. А кто и что думал, когда все происходило, для духов не имеет значения.

Через часть времени все собрались на кухне. Лекам готовил яичницу, остальные хмуро сидели. Тяжелое настроение усугублял жар печи.

— Ровный, у тебя где-то гномья настойка была? — пророкотал Храм. — Надо бы дорогу Арофьи к духам умыть.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. Сергей</i>	6
<i>Глава 2. Норман</i>	23
<i>Глава 3. Воин</i>	31
<i>Глава 4. Нейла</i>	41
<i>Глава 5. Преследование</i>	62
<i>Глава 6. Скользкое баронство</i>	85
<i>Глава 7. Нападение</i>	101
<i>Глава 8. Шальные</i>	109
<i>Глава 9. Хасаны</i>	125
<i>Глава 10. Светлые</i>	143
<i>Глава 11. Савлентий</i>	151
<i>Глава 12. Торам</i>	174
<i>Глава 13. Эн Шаравел</i>	189
<i>Глава 14. Торка</i>	196
<i>Глава 15. Софья</i>	200
<i>Глава 16. Аллойя и Сайлон</i>	217
<i>Глава 17. Кейн</i>	234
<i>Глава 18. Академия</i>	248
<i>Глава 19. Веселые Травы</i>	262
<i>Глава 20. «Проклятый дом»</i>	278
<i>Глава 21. Охотники</i>	300
<i>Глава 22. Серый</i>	327
<i>Эпилог</i>	342